

ДИАЛЕКТИКА

В.А. Яковлев

К НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ДИАЛЕКТИКЕ

Аннотация. Предметом исследования является осмысление диалектики как универсалии критического интерпретативного рационализма. Рассматриваются основные этапы становления диалектического метода в истории философии. Особое внимание уделяется гегелевской и марксистской теориям диалектики. Выявляется основной кластер элементов (ядро) диалектики, который сохраняется на протяжении всей истории её развития. Дается развёрнутая критика понимания диалектики К. Поппером и реконструкция основных идей герменевтики Х.-Г. Гадамера и метода Ж.П. Сартра. Анализируются подходы отечественных авторов, и предлагается авторский подход – синтез классической диалектики и герменевтики.

При анализе современной постановки вопроса о диалектике используются исторический (диахронный) и логический (синхронный) методы исследования. При рассмотрении взглядов и подходов разных авторов применяется общий метод критического рационализма, а также метод контент-анализа.

Новизна исследования заключается в следующих утверждениях. Линейной (прямолинейной) диалектике XIX в. в настоящее время противопоставляется нелинейная («челночная») диалектика, суть которой состоит в герменевтическом движении с целью разрешения противоречия между частью и целым, частным и общим, второстепенным и главным. Объект рассматривается поочередно в различных контекстах, и мышление как бы постоянно совершает «челночное» движение от объекта к одному «горизонту», от него к другому и снова к объекту. В отличие от линейной схемы (тезиса – антитезиса – синтеза) новое понимание диалектики заключается, прежде всего, в умении вписать объект в различные, чаще всего противоположные (контрарные) смысловые контексты, которые противопоставляются друг другу как бинарные оппозиции.

Ключевые слова: диалектика, бинарность, оппозиции, смысловые контексты, герменевтика, рационализм, противоречие, метод, законы, культура.

Abstract. The subject of this research is the understanding of dialectics as a universality of the critical interpretational rationalism. The main stages of the establishment of a new dialectical method in the history of philosophy are being examined. Special attention is given to the Hegelian and the Marxist theories of dialectics. The author determines the essential cluster of the elements (core) of dialectics, which remains throughout the entire history of its development. The scientific novelty consists in the following statement: the linear dialectics of the XIX century is currently opposed to the nonlinear dialectics, the essence of which lies in the hermeneutic movement for the purpose of resolution of the contradictions between the part and the whole, private and public, secondary and primary. The object is being viewed alternately in different contexts, and the mind sort of executes a “shuttle” movement from the object to one “horizon”, from the latter to another “horizon”, and then back to the object. Unlike the linear scheme (thesis – antithesis – synthesis), the new understanding of dialectics first and foremost consists in the ability to fit an object into various, and most often opposite (contrary), conceptual contexts, which confront each other as binary oppositions.

Key words: contradiction, rationalism, hermeneutic, semantic contexts, oppositions, binarity, dialectics, method, laws, culture.

Философы – это мыслители. Они называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии.

(Мартин Хайдеггер)

Начиная с Гераклита, диалектика и диалектическое противоречие рассматриваются не только как борьба и единство противоположностей, но и осмысливаются в виде непрерывного перехода из

одной противоположности в другую. Различные способы разрешения («снятия») противоречия, как известно, были подробно разработаны с идеалистических позиций Гегелем. С точки зрения Маркса, сосуществование двух взаимно-противоречивых сторон, их борьба и слияние в новую категорию, составляют сущность диалектики и диалектического развития. Постулат, согласно которому всякое развитие должно рассматриваться

как возникновение противоречий, их разрешение и возникновение новых противоречий, а также традиционная классификация противоречий на внутренние и внешние, антагонистические и неантагонистические, основные и неосновные составляют концептуальный каркас диалектики.

Маркс, в отличие от Гегеля, рассматривал диалектику не в качестве особого философского метода, но как общенаучный метод: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение её всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо её поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [1].

В своём фундаментальном труде «Капитал» Маркс, как показано во многих исследованиях, широко использовал основные законы и принципы диалектики. Энгельс также считал необходимым использование учёными диалектики в качестве метода в их исследовательской практике. По его мнению, диалектический метод выражает объективную диалектику природы, подтверждаемую важнейшими открытиями в естествознании XIX в. (закон сохранения энергии, выделение клетки как общего элемента органической материи, теория Дарвина, периодическая система элементов Менделеева).

Определение Энгельсом диалектики как науки о всеобщей связи и наиболее общих законах развития (известные три закона диалектики) подчёркивало, с одной стороны, методологическую роль диалектического материализма в развитии науки, а с другой, – предполагало развитие самой диалектики в её новых исторических формах с каждым новым крупным открытием в науке.

Однако в дальнейшем теоретики марксизма (Г.В. Плеханов, К. Каутский, В.И. Ленин и др.), по нашему мнению, не внесли ничего существенно нового в разработку теории диалектики. Известный фрагмент «К вопросу о диалектике» [2], написанный Лениным в 1915 г., в основном повторяет положения Гегеля, Маркса, Энгельса и носит, скорее, самообразовательный, чем исследовательский характер. Например, такие положения: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его составляют суть диалектики»; «...Всеми познанию человека вообще свойственна диалектика»; «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма» и т.п.

В своей более ранней работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.) Ленин анализирует открытие электрона, которое, по сути, означало

переход науки к новой картине мира. Но, защищая диалектический материализм, он «опускает» многие диалектически связанные аспекты процесса познания. В книге нет исследования соотношения эмпирического и теоретического уровней знания, чувственного и рационального, внутренней логики развития науки и её социальной детерминации.

Более того, Ленин формулирует определение понятия материи, которое, по его мнению, должно утвердить объективность (независимость от сознания) мироздания, какими бы не были новые научные открытия. «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается в наших ощущениях, существуя независимо от них» [3].

Академик Т.И. Ойзерман пишет по этому поводу: «Предложенная Лениным дефиниция не содержала в себе ничего нового. Её придерживались Г.В. Плеханов, К. Каутский, а в домарксистской философии – П. Гольбах» [4].

На наш взгляд, с позиций развития современной науки [5; 6] данное Лениным определение никоим образом не проясняет проблему объективности, поскольку не учитывает креативную (конструктивную) роль субъекта в познании, формируемые им самим диалектически разнообразные научные методы.

В последнее время, следует отметить, термин «диалектика» всё реже встречается в философских текстах. Чаще говорят о конструктивизме, релятивизме, постмодернизме как ведущих тенденциях в самых различных частях философского знания.

Изъятие («снятие») диалектики из современного философского дискурса хорошо иллюстрируется тем, что она не упоминается в названии ни одной из секций на последних международных и отечественных конгрессах по философии, не говоря уже о тематике пленарных докладов.

На наш взгляд, это может быть объяснено двумя типами причин. Во-первых, идеологической заданностью в течение длительного времени марксистско-ленинского понимания диалектики как высшей ступени развития теоретического мышления [7; 8]. Огромное количество работ было посвящено не только анализу (далеко не критическому) «Диалектики природы», «Анти Дюрингу» Ф. Энгельса, «Материализму и эмпириокритицизму» В.И. Ленина [9; 10; 11; 12], но и «Капиталу» К. Маркса [13; 14].

Правда, необходимо отметить смелые попытки нового осмысления диалектики соотношения материального и идеального. Так известный от-

естественный философ Э.В. Ильенков, например, работая в основном в рамках гегелевско-марксистской традиции понимания диалектики, развивал идеи о том, что содержание сознания характеризуется не столько само сознание, сколько реальную предметность, данную в формах деятельности. Это явно шло вразрез с общепринятой трактовкой духовной жизни человека в свете «ленинской теории отражения». Э.В. Ильенков утверждал, что только во взаимно-встречном движении двух противоположных метаморфоз, формы деятельности и формы вещи, в их диалектически-противоречивом взаимопревращении идеальное и существует [15].

После государственного отказа от коммунистической идеологии и принципа партийности философии произошла резкая переориентация российского философского сообщества на различные новомодные западные течения философской мысли. При этом, однако, как и в случае с Л. Фейербахом, по словам Маркса, «вместе с водой выплеснули и ребёнка».

Во-вторых, большое влияние на отрицательное отношение к диалектике оказали позитивистское и постпозитивистское направления в западной философии. Особенно показательна в этом отношении известная работа К. Поппера «Что такое диалектика?» [16]. Остановимся на её анализе подробнее, поскольку, хотя работа была написана в 1937 г., в России она стала известна сравнительно недавно и вызвала острые дискуссии.

К. Поппер считает, что любое развитие можно подогнать под диалектическую схему, а диалектик может не опасаться опровержения будущим опытом. Понятие диалектики, по его мнению, слишком расплывчато и неопределённо. Поппер отрицает не только какого-либо рода эвристичность диалектики, но даже её рациональность для гносеологии. Философ утверждает, что процесс познания наиболее полно и адекватно описывается общенаучным методом проб и ошибок.

На наш взгляд, критикуя диалектику Гегеля и Маркса, Поппер, тем не менее, сам развивает идущую от Сократа программу диалектики как метода ведения дискуссии (субъективную диалектику). Более того, философ выстраивает модель научной творческой дискуссии, участники которой могут не только критиковать своих оппонентов, но рационально оценивать их контраргументы и вносить соответствующие коррективы в свои исходные позиции. Коммуникативно-аргументативная функция человеческого языка, о которой пишет в ряде своих работ Поппер, является, по нашему мнению, изначально диалектической. Именно непрерывная борьба мнений в рамках (единстве) формальных

процедур научного дискурса определила критически-рационалистический стиль мышления европейской цивилизации в её неуклонном стремлении к достижению объективной истины.

Диалектика научного дискурса выражается в конкретно-научных методах дедукции-индукции, анализа-синтеза, аксиоматики-экспериментирования, моделирования-вычислений и др. Многие элементы этих методов сформировались ещё в Античности, получили развитие в силлогистике средневековых схоластов и в «учёном незнании» Н. Кузанского. В итоге, они все определили фундамент классической науки Нового времени, сыграли свою креативную роль в её бурном развитии и продолжают выполнять важнейшие функции в настоящее время в постнеклассической науке.

Как показал ещё ученик Поппера И. Лакатош, принцип фальсификации, который предложил Поппер для определения демаркационной линии между наукой и ненаукой (метафизикой), отнюдь «не срабатывает» в реальной научной практике. Учёное сообщество, только уже приняв, опять-таки, в ходе диалектического дискурса новые идеи, постфактум («задним числом») решает, какой эксперимент считать главным фальсификатором прежней теории.

Вот почему, по нашему мнению, «воюя» с диалектикой Гегеля и Маркса, Поппер «воюет», фактически, с «ветряными мельницами».

К тому же философ науки явно недопонимает, мягко говоря, суть диалектики, утверждая, что она разрушает базовую основу теоретического мышления – закон недопустимости противоречия в формальной логике. Поппер считает это родовым пороком диалектического метода, в результате чего оказывается возможным доказательством прямо противоположных утверждений.

Конечно, необходимо учитывать, что статья Поппера была написана ещё за десятилетия до знаменитого открытия функциональной асимметрии полушарий головного мозга (Р. Сперри вместе с Д. Хьюбелом и Т. Визелом за это открытие получили в 1981 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине).

Открытие учёных нередко сравнивают с революционным открытием деления атомного ядра в физике. В настоящее время экспериментально установлено, что левое полушарие несёт функцию («стратегию») организации однозначного контекста поступающей в мозг информации, её унификации, что необходимо для общения между людьми. В то же время правое полушарие формирует многозначный контекст, который не исчерпывается логикой объяснений в существующей системе ком-

муникаций. Эти функции взаимодополнительны, и лишь в их единстве обеспечивается полноценная работа мозга, где правое полушарие несёт творческое, образное начало, а левое выполняет логико-критические функции.

Таким образом, диалектически синхронизируются дискретно-линейный процесс вербального мышления и симультанный процесс образного мышления. Полушария как бы ведут между собой непрерывный диалог.

Французский психолог А. Валлон также рассматривает диалектику бинарных структур мозга как неотъемлемое свойство мышления, которое он обозначает понятием «дипластия» [17]. По его мнению, оперирование бинарными оппозициями проявляется через свойство человеческой психики объединять противоположные и даже взаимоисключающие элементы в единое целое. Моменты единства и дифференциации, ассимиляции и множественности в дипластии представляются как диалектически взаимодополнительные.

Поппер не мог не знать про эти революционные открытия и то, что после них классическую логику, идущую от Аристотеля, уже никак нельзя рассматривать в качестве науки о формах и правилах мышления. Но философ, последовательный сторонник критического рационализма, тем не менее, без каких-либо правок продолжал включать статью «Что такое диалектика?» даже в самые последние сборники своих работ.

Кроме того, необходимо учитывать, что в XX в. был разработан целый кластер так называемых неаристотелевских логик (А.В. Васильев), где наличие противоречий не ведёт к взаимоисключающим следствиям. Во многих системах неклассической логики вообще нет ни закона противоречия, ни закона исключённого третьего. Современная логика – это такая же абстрактная и самодостаточная наука, как и математика. С реальным процессом человеческого мышления она не имеет ничего общего.

Наконец, Поппер явно пропустил (или не захотел обратить внимание) важные высказывания Гегеля относительно взаимосвязи рассудочной (аристотелевской) логики и логики разума (диалектической). Идя от Платона, который, как известно, рассматривал диалектику в качестве высшего уровня мышления, которой обучают только наиболее отличившихся на всех этапах обучения, Гегель неоднократно говорит о необходимости овладения через процесс образования человека законами рассудочной (формальной) логики. Немецкий философ уверен, что «...рассудок есть вообще существенный момент образования. Образованный человек не удовлетворяется туманным и не-

определённым, а схватывает предметы в их чёткой определённости» [18].

На наш взгляд, можно сравнить диалектическое и формальное мышление по аналогии с высшей математикой и школьной арифметикой. Без первой и сейчас в обыденной жизни обходится большинство людей. Вторая, даже в эру компьютерных технологий и всевозможных калькуляторов, остаётся необходимой для каждого, хотя бы для того, чтобы правильно вести свой бюджет в условиях рыночных отношений («уметь считать деньги»). В этом смысле нельзя не согласиться с Гегелем, когда он афористично утверждает, что «...разум без рассудка – это ничто, а рассудок и без разума – нечто» [19].

Не случайно в работе Поппера нет ни одного примера нарушения Гегелем закона противоречия. Философ науки просто конструирует свои рассуждения, исходя из принципа – раз диалектика полагает, что в основе любого развития лежит противоречие, значит, она с формально-логической точки зрения не верна.

Однако ещё Аристотель, критикуя диалектику Гераклита, показал, что существуют важные различия между контрарными («белый – чёрный») и контрадикторными («белый – небелый») противоречиями. Для первых всегда можно найти нечто среднее, медиатор («серый»), для вторых «работает» закон исключённого третьего («или – или»).

Но ведь и Гегель, в отличие от Гераклита, ни где не утверждает, что качество объекта, например, может быть и не быть одновременно здесь и сейчас (контрадикторное противоречие). Закон диалектики говорит, что объекту имманентно присущи качественные и количественные параметры, являющиеся относительно противоположными (контрарное противоречие), но в то же время внутренне взаимосвязанные. «Разбалансировка» одного из параметров (нарушение меры) ведёт к переходу объекта в новое состояние – механизм развития. Повторение этих циклов в форме «спирали» указывает на его прогрессивную направленность.

В целом система предельной степени общности и абстрактности философских категорий, образуемых не по родовидовому принципу, а через бинарное сопоставление, описывает не только синхронный (логический), но и диахронный (исторический) аспекты развития рационального мышления. По сути, начиная с десяти категорий Аристотеля, все философы стремились к развитию и полнению этой системы.

Поппер, как уже указывалось выше, считает единственным общенаучным методом познания

метод проб и ошибок. Но зададим сакраментальный вопрос – почему та или иная проба «не проходит», не становится фактором развития науки, а признаётся как ошибка? Очевидно, что такая проба сталкивается с серьёзным противодействием, оппозицией, борьбой, вступает в противоречие с уже устоявшимся и принятым научным сообществом знанием. И... проигрывает эту борьбу, уступая место другим пробам, которые также могут потерпеть фиаско, т.е. стать ошибками. Не напоминает ли это действие закона единства и борьбы противоположностей? Не случайно Энгельс рассматривал теорию Дарвина как иллюстрацию и подтверждение методологического значения этого закона.

Поппер не задумывается над такими тонкостями и фактически просто «калькирует» свой «закон» с описанного Дарвином механизма развития живой природы, считая единственным отличием сознательное его использование учёными [20].

Но с позиций современной синтетической теории эволюции невозможно объяснить определённую направленность (цефализация) и скорость эволюционного процесса от прокариотов к человеческому разуму, поскольку – и это признаёт сам философ науки – на фоне всех логически возможных проб («слепых мутаций») вероятность удачных (ведущих к прогрессивному развитию) исчезающе мала. И поэтому Поппер, ярый противник всяких *ad hoc*, вводит, тем не менее, гипотезу об изменении некой информационной структуры предпочтений и целей, которая якобы предшествует изменению генной структуры, связанной с анатомическим (морфологическим) строением организмов.

На наш взгляд, совершенно прав Ю.В. Чайковский, считая, что такие спекулятивно-гипотетические приёмы приводят в итоге Поппера, как это ни парадоксально, к теории Ламарка – прямо противоположной биологической программы объяснения и понимания смысла развития жизни [21]. Можно только добавить, что в таком случае теория Поппера и предлагаемый с существенными поправками метод очень близко подходят к теории автоэволюции А. Лима-де-Фариа и к известной теории творческой эволюции А. Бергсона.

Иначе говоря, основной тезис эволюционной эпистемологии (ЭЭ) – пробы (мутации) являются нейтральными («слепыми») – элиминируется, если вводится новая гипотеза о предпочтениях и целях на генном уровне.

Поппер и его последователи ранее в эпатажной форме интерпретировали этот тезис как эпистемологическое единство всех живых организмов – от амёбы до Эйнштейна – решать задачи с помо-

щью единого алгоритма, а именно, слепого перебора вариантов и селективного отбора полезных проб (BVSR). Теперь оказывается, что, напротив, на каждом уровне («этаже») жизни всегда есть какая-то ориентировочная деятельность (априорные когнитивные структуры Канта?) в форме определённых предпочтений и целей. Но в таком случае мы опять приходим к диалектике (а как сказать иначе?) природы и познания в форме бинарного единства материальных и идеальных структур.

Известный отечественный учёный С.В. Петухов выражает это единство на языке науки: «Принцип бинарности (типа мужское – женское или инь – ян) реализуется на всех уровнях биологической организации, включая двойную спираль ДНК с элементарными основаниями и мышечное обеспечение движений, которое строится на парной работе мышц-сгибателей и мышц-разгибателей» [22].

Итак, подводя итог критике попперовской критики диалектики, важно подчеркнуть, что эволюционная идея проб и ошибок, перенесённая на почву эпистемологии, порождает глубокие противоречия, устранение которых и было первоначальной задачей работы философа науки «Что такое диалектика?».

С нашей точки зрения, в современном понимании диалектику можно рассматривать в двух взаимосвязанных, но в то же время относительно самостоятельных аспектах – в качестве исследовательской философской программы и общенаучного метода построения и критики теорий.

Начиная с натурфилософии Античности, (Гераклит, элеаты, пифагорейцы, атомисты другие школы) и вплоть до Нового времени (Н. Кузанский, Дж. Бруно, Г. Лейбниц и др.) диалектика выступала как фундаментальная исследовательская программа устройства бытия, сыгравшая в дальнейшем креативную роль в возникновении науки.

По мере развития классической науки философские гипотезы о диалектике бытия (небулярная теория Канта о происхождении солнечной системы, догадки Дидро и Шеллинга о единстве электрических и магнитных явлений и др.) оставались невостребованными до тех пор, пока сама внутренняя логика развития науки не приводила к их признанию (Лаплас, Эрстед, Максвелл и др.).

Диалектика становится «культурной универсалией» (В.С. Стёпин) и влияет на науку через систему воспитания, образования и общего социокультурного фона. Известно, что Эйнштейн признавал в качестве важного фактора для своего научного развития идеи Спинозы о диалектике атрибутов и модусов единой субстанции-природы, являющейся причиной самой себя. Н. Бор ещё

в юношеском возрасте узнал о диалектике Кьеркегора («Или-или»), что впоследствии, как говорил учёный, стало одним из важных факторов для выдвижения им фундаментального принципа дополненности в квантовой физике.

Известный американский историк науки Л.Р. Грэхэм, проведя свои исследования ещё в СССР, пришёл к выводу, что многие выдающиеся советские учёные были действительно убеждены в методологическом и эвристическом значении материалистической диалектики. Академики В.А. Амбарцумян, А.И. Опарин, Н.Н. Семёнов отнюдь не по идеологическому принуждению, а сознательно и методично использовали её законы и принципы в своей профессиональной деятельности [23]. Лауреат Нобелевской премии по физике академик В.Л. Гинзбург в одном из интервью о проблемах современной науки на вопрос, влияют ли работы профессиональных философов на современные исследования физиков, ответил: «Я был, и в известной мере, остаюсь сторонником диалектического материализма» [24].

Можно сказать, что диалектика, ставшая культурной универсалией со времён Античности и широко используемая в современном социальном контексте для объяснения многих процессов (материальных и духовных) в обществе, выражает в целом отношение человека к непрерывно меняющемуся миру и пониманию самого себя. Диалектика действительно является культурной универсалией, выражая, очевидно, фундаментальную характеристику человеческого мышления – *диалектическое равновесие адаптивного и инновационного начал*.

В то же время было бы странно, если бы диалектика, претендующая на статус универсальной теории изменений и развития, сама оставалась бы некоей константой, поскольку диалектика зародилась и развивалась в определённом социально-культурном историческом контексте.

На наш взгляд, диалектику, как и любую другую культурную универсалию, например Бога, Справедливость, Идеальное общество, нельзя ни замолчать, ни тем более отменить. Просто на саму эволюцию диалектики надо попробовать взглянуть с диалектической точки зрения, которая в самом простом варианте означает «с одной стороны» и «с другой стороны».

Человеческая мысль, говорил известный французский исследователь истории науки А. Койре, питается отрицанием. Выдвижение любой идеи ведёт, можно сказать, автоматически к выдвижению контридеи. Так же как развитие всего многообразия живого началось с простейших однокле-

точных, так и «цепная реакция идей» возникла с примитивных (с современной точки зрения) и часто противоречивых мифологем. Но если развитие в живой природе сопровождается необратимым исчезновением менее приспособленных к среде организмов, то в мире духовной культуры ни одна идея не исчезает бесследно.

Как бы мы ни мучились над пониманием смысла высказываний далеко отстоящих от нас по времени авторов, как бы ни расходились в интерпретациях содержания тех или иных текстов, сама работа в этом направлении свидетельствует о том, что филиация идей есть нечто реальное. Мы не считаем бессмысленными попытки включить идейное наследие наших предшественников в духовный контекст современности.

На языке современной философии науки представление о филиации и взаимной конкуренции идей получило название методологии научно-исследовательских программ (И. Лакатош).

В этом смысле диалектика также никогда не представляла собой нечто единое и неделимое. Ошибка марксистской философии состояла в том, что диалектика противопоставлялась метафизике в смысле метода, отрицающего якобы качественное саморазвитие бытия через противоречия. Однако найти таких «закоренелых» метафизиков, стремящихся к построению однозначно статичной картины мира, в истории философии, а тем более науки, практически невозможно. Даже элматы, провозгласившие истинное бытие вечным и неизменным, отнюдь не отрицали реальность изменений в мире чувственных вещей.

Метафизика, по нашему мнению, тоже является культурной универсалией, поскольку выражает постоянное стремление человеческого мышления к наиболее глубокому – сущностному – рассмотрению объектов, к такому уровню познания, который всегда находится за пределами возможного опытного знания. Но как раз в этом созерцательном качестве «метафизика нужна, как воздух» (И. Кант) каждому человеку и науке.

Возвращаясь к теории диалектики, выделим её эволюционную программу, т.е. диалектики как теории познания и метода. В этом плане её нередко называют субъективной диалектикой, противопоставляя как антитезис объективной диалектике бытия.

Представления о многослойности процесса познания, отличии знания ума от знания чувств, покрывале Майи, скрывающем сущность мира, разрабатываются уже в древневосточной философии. В древнегреческой философии теория субъективной диалектики формируется через идеи элей-

цев о принципиальном различии точного знания (эпистеме) и мнения (докса), эристики софистов и майевтики Сократа. Платон, по сути, закрепляет понимание диалектики как метода ведения дискуссии, имеющей целью достижение истины.

А проведенное Демокритом разделение всего знания на истинное (светлое) и субъективное (тёмное) в зависимости от рода получаемых ощущений положило начало теории познания в качестве диалектики первичных и вторичных качеств. На наш взгляд, и споры в средневековье номиналистов с реалистами о природе универсалий, и дискуссии рационалистов с эмпириками об источниках истинного знания в Новое время, и учение И. Канта о трансцендентальной апперцепции как высшем синтезе чувственного и априорно-рационального являются тоже своего рода конкретизациями общей программы диалектики как теории познания.

Длительное время представлялось, что теория познания является специфически философской дисциплиной. Такое представление было во многом обусловлено неравномерностью темпов развития конкретных научных дисциплин. Сейчас становится всё более очевидным, что по мере прогрессирования комплекса биологических, физиологических, психологических наук, а также кибернетики, когнитивной социологии большая часть вопросов, связанных с поставленной Кантом проблемой – как вообще возможно познание – переходит из ранга философских в сферу специально научных. В принципе логика развития программы диалектики как теории познания ничем не отличается от логики развития программы диалектики как теории бытия. И там, и там вначале появляются спекулятивные идеи, обладающие эвристическим потенциалом, реализующимся впоследствии в конкретных науках.

Не случайно в последние десятилетия сложилась разветвлённая междисциплинарная программа так называемой эволюционной эпистемологии (Ж. Пиаже, Дж. Кэмпбелл, Г. Фоллмер, К. Лоренц и др.), в которой фактически чисто научными средствами исследуются процесс познания и мыслительные структуры на онтогенетическом и филогенетическом уровнях [25; 26; 27; 28]. Фактически рассматривая познание как функцию живой природы, эти учёные подходят к мышлению как к мыслительному аппарату, созданному природой, подчиняющемуся её закономерностям, к которому, следовательно, могут быть применены методы точных наук.

Более сложным представляется вопрос о развитии программы диалектики как метода. Диалектика как программа метода охватывает сферу

отношений между субъектом и объектом, а также сферу отношений между субъектами. С лингвистической точки зрения в монологах, диалогах, полилогах субъекта с природой, самим собой и себе подобными на первый план выходит коммуникативно-аргументативная функция языка.

Эта программа диалектики как теории метода так же, как и рассмотренные выше другие программы диалектики – теории бытия и теории познания – по мере своего развития конкретизировались в методах индукции, дедукции, анализа, синтеза, аксиоматики, гипотезы, эксперимента и в различных их сочетаниях.

В последнее время новым метанаучным подходом провозглашается синергетика. После работ И. Пригожина, Г. Хакена, С.П. Капицы, С.П. Курдюмова, В.И. Аршинова и др. процессы самоорганизации стали выявляться во всех сферах реальности. В понятиях диссипативных структур, бифуркации, аттракторов описываются не только процессы, происходящие в неживой природе, но и в политике, экономике, искусстве, в нейрофизиологических процессах и в мышлении.

Такой подход несомненно ведёт к «новому диалогу с природой», ориентирует на новую методологию её «вопросания».

В применении к неживой природе выявление процессов самоорганизации позволяет прийти к мировоззренчески важному выводу о вероятностно-диалектическом характере всех процессов реальности, наличии творческого потенциала в фундаментальных структурах материи. Однако, по нашему мнению, когда слишком большой акцент делается на самоорганизации всех социальных и психологических процессов, синергетический подход превращается в некий новый фатализм.

Действительно, спрашивается, какую роль играют сознание, человеческая воля, если периодически возникают состояния неопределённости (хаоса), в лабиринтах которого всё происходит фактически вслепую? В результате встречи с аттрактором необходимым становится автоматическое перенесение системы на уровень новой диссипативной структуры, и тогда возникает фатальность – «всё само достроится, организуется, проявится, напишется и т.д.» [29].

Необходимо отметить открытую поддержку диалектического метода в философских направлениях экзистенциализма и герменевтики. Так, Ж.П. Сартр пишет специальную работу «Проблемы метода» [30], которую затем включает в свой капитальный труд «Критика диалектического разума». Большое внимание проблемам диалектики как теории метода уделяет П. Рикёр [31].

Однако речь, конечно, не идёт о повторении гегелевско-марксистской схемы диалектики. На наш взгляд, происходит новое осмысление диалектики как *универсалии критического интерпретативного рационализма*. Именно это ядро диалектики сохраняется на протяжении всей истории её развития. В отличие от линейной схемы (тезиса – антитезиса – синтеза) новое понимание диалектики заключается, прежде всего, в умении вписать объект в различные, чаще всего противоположные (контрарные) смысловые контексты, которые противостоят друг другу как бинарные оппозиции.

Известно, в древнеегипетской мифологии Гермес Трисмегист выполнял функцию посредника между богами и простыми смертными. В древнегреческой философии бог Гермес должен был истолковывать людям повеления богов, а богам – просьбы людей. Отсюда и ведёт своё происхождение термин «герменевтика», первоначально означающий искусство толкования изречений оракулов, древних текстов, знаков, смысла чужого языка и т.п. В Средневековье герменевтика была неразрывно связана с теологией, с толкованием Библии и сочинений «отцов церкви». В период Ренессанса, появилась филологическая герменевтика, призванная критически исследовать литературные тексты, чтобы установить их аутентичность, освободить от искажений и более поздних добавлений.

Философская герменевтика возникла в середине XIX в. Её основоположниками были Ф. Шлейермахер и В. Дильтей. Они рассматривали герменевтику как учение об искусстве понимания и метод всех наук о духе, т.е. гуманитарных дисциплин.

В XX в. Х.-Г. Гадамер провозглашает герменевтику универсальной философией нашего времени. Она призвана, утверждает Гадамер, дать ответ на основополагающий философский вопрос: как возможно понимание окружающего нас мира, как в этом понимании воплощается истина бытия? Согласно Гадамеру, традиционные методы науки не являются универсальными и недостаточны, чтобы объяснить феномен понимания.

Исследователь должен не просто перенестись в «горизонт» авторского видения событий, а попытаться «переплавить» в единое целое свой и авторский горизонты. Как показал Гадамер, смысл любого текста всегда «...превышает авторское понимание. Поэтому понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением» [32].

Понимание – это процесс слияния культурных горизонтов автора произведения и его исследователя, читателя, слушателя. Стремление

проникнуть в историческую ситуацию создания произведения приводит исследователя к его интерпретации и расширению собственного культурного горизонта.

Чтобы узнать, какие предубеждения являются ложными, и избавиться от отрицательных предрассудков, необходимо постоянно вести диалог с изучаемым текстом, событием, постоянно вопрошать традицию. Причём, под текстом может пониматься любая семиотическая структура культуры (в том числе, и наука), несущая смысловую нагрузку. С точки зрения Гадамера, научная онтология в конечном счёте производна от языковой практики.

Суть герменевтического метода как диалектики состоит в постоянном движении с целью разрешения противоречия между частью и целым, частным и общим, второстепенным и главным. Подходя к тексту с определённым исторически нагруженным предпониманием его в целом, интерпретатор уточняет его составные части и в результате глубже осознаёт целое. На этой основе он углубляет понимание составных частей и вновь стремится охватить целое.

Такая постоянная миграция от предпонимания к знанию конкретного, от предпонимания к предобъяснению, от предобъяснения к пониманию, от понимания к объяснению, от объяснения к знанию происходит в режиме вопрошания, т.е. постановки всё новых и новых вопросов к объекту исследования.

Понимание является не только репродуктивным, но всегда также и продуктивным отношением. Главная мысль состоит в том, что любое понимание возможно лишь при условии выделения определённых бинарных оппозиций, «координат», «горизонтов», в рамках которых и постигается объект. Для этого становится необходимым проведение так называемого ситуационного анализа, когда объект рассматривается поочередно в различных контекстах, и мышление как бы постоянно совершает «челночное» движение от объекта к одному «горизонту», от него к другому и снова к объекту. Отсюда и название метода как прогрессивно-регрессивного или конструктивно-деструктивного.

Итак, в заключение можно сказать, что линейной (прямолинейной) диалектике XIX в. в настоящее время противостоит нелинейная («челночная») диалектика. Такой переход, на наш взгляд, связан с общими процессами углубления противоречивости развития во всех сферах культуры.

Уже появление так называемой неклассической науки совершенно по-новому поставило вопрос об идеалах науки и роли субъекта в научном познании. Наверное, можно сказать, что

«челночная» (неклассическая) диалектика вполне коррелируется с принципом дополнительности Н. Бора, согласно которому, для того, чтобы максимально полно познать элементарный объект, необходимо менять приборные ситуации (смысловые контексты). В современной науке, например, теория известного отечественного физика-теоретика Б.М. Менского – «Расширенная концепция Эверетта» [33], диалектике сознания

отводится решающая творческая роль в выборе проекции квантового мира.

Неклассическая наука выступает, таким образом, наиболее выразительным, но всё же лишь частным примером универсалии диалектики как «челночного» метода. Анализ показывает, что эта универсалия работает во всех сферах духовно-теоретического опыта – политике, морали, религии, искусстве.

Список литературы:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 22.
2. Ленин В.И. К вопросу о диалектике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316-322.
3. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 131.
4. Ойзерман Т.И. Диалектический материализм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1 / Гл. ред. В.С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. С. 657.
5. Яковлев В.А. Информационное единство бытия: сознание, жизнь, материя // NB: Философские исследования. 2013. № 10. С. 1-57.
6. Яковлев В.А. Информационная программа новой эпистемологии // Философия и культура. 2015. № 10. С. 1460-1470.
7. Диалектика // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 158.
8. Суворов Л.Н. Вопросы диалектики в «Философских тетрадах» В.И. Ленина. М., 1960. С. 35-78.
9. Кедров Б.М. О «Диалектике природы» Энгельса. М., 1973. С. 81-112.
10. Макаров А.Д. О произведении Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг». М., 1951. С. 7-49.
11. Кедров Б.М. К изучению книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». М., 1973. С. 85-167.
12. Материализм и эмпириокритицизм в России и за рубежом. Новые материалы. М., 1990. С. 7-68.
13. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960. С. 34-89.
14. Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968. С. 33-78.
15. Ильенков Э.В. Диалектика и герменевтика // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки. М., 1987. С. 133-163.
16. Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138.
17. Единство научного знания. М., 1988. С. 280-285.
18. Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1929. Т. I. С. 133.
19. Гегель Г.В.Ф. Работы различных лет: в 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 541.
20. Поппер К. Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 39-49.
21. Чайковский Ю.В. Невостребованный синтез. Об эволюционных взглядах К. Поппера // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 50-54.
22. Петухов С.В. Генетический код и проекционные операторы матричного генотипа // Метафизика. 2014. № 1(11). С. 54.
23. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 9-56.
24. Интервью с академиком В.Л. Гинзбургом // МЕТАФИЗИКА. Век XXI. Альманах. Вып. 3. Наука, философия, религия. 2010. С. 26.
25. Evolutionary epistemology, rationality and the sociology of knowledge / Ed. by O. Radnitsky, W.W. Bartley. III. La Salle (Ill.) Open court, 1988. XIV, 475 p.
26. Современные теории познания. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 9-87.
27. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы. М., 1996. С. 7-15.
28. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М., 1998. С. 10-45.
29. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 112.
30. Сартр Ж.П. Проблема метода. М., 1994. С. 22-43.
31. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 54-77.
32. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 351.
33. Менский М.Б. Интуиция и квантовый подход к теории сознания // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 64-74.

References (transliterated):

1. Marks K., Engel's F. Soch. T. 23. S. 22.
2. Lenin V.I. K voprosu o dialektike // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 29. S. 316-322.
3. Lenin V.I. Materializm i empiriokrititsizm // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 18. S. 131.
4. Oizerman T.I. Dialekticheskii materializm // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 1 / Gl. red. V.S. Stepin. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Mysl', 2010. S. 657.

5. Yakovlev V.A. Informatsionnoe edinstvo bytiya: soznanie, zhizn', materiya // NB: Filosofskie issledovaniya. 2013. № 10. S. 1-57.
6. Yakovlev V.A. Informatsionnaya programma novoi epistemologii // Filosofiya i kul'tura. 2015. № 10. S. 1460-1470.
7. Dialektika // Filosofskii entsiklopedicheski slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. S. 158.
8. Suvorov L.N. Voprosy dialektiki v «Filosofskikh tetradakh» V.I. Lenina. M., 1960. S. 35-78.
9. Kedrov B.M. O «Dialektike prirody» Engel'sa. M., 1973. S. 81-112.
10. Makarov A.D. O proizvedenii Fridrikha Engel'sa «Anti-Dyuring M., 1951. S. 7-49.
11. Kedrov B.M. K izucheniyu knigi V.I. Lenina «Materializm i empiriokrititsizm». M., 1973. S. 85-167.
12. Materializm i empiriokrititsizm v Rossii i za rubezhom. Novye materialy. M., 1990. S. 7-68.
13. Il'enkov E.V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» Marksa. M., 1960. S. 34-89.
14. Vazyulin V.A. Logika «Kapitala» K. Marksa M., 1968. S. 33-78.
15. Il'enkov E.V. Dialektika i germenevtika // Sovremennye zarubezhnye kontseptsii dialektiki. Kriticheskie ocherki. M., 1987. S. 133-163.
16. Popper K. Chto takoe dialektika? // Voprosy filosofii. 1995. № 1. S. 118-138.
17. Edinstvo nauchnogo znaniya. M., 1988. S. 280-285.
18. Gegel' G.V.F. Soch. M., 1929. T. I. C. 133.
19. Gegel' G.V.F. Raboty razlichnykh let: v 2 t. T. 2. M., 1970. S. 541.
20. Popper K. Darvinizm kak metafizicheskaya issledovatel'skaya programma // Voprosy filosofii. 1995. № 12. S. 39-49.
21. Chaikovskii Yu.V. Nevostrebovannyi sintez. Ob evolyutsionnykh vzglyadakh K. Poppera // Voprosy filosofii. 1995. № 12. S. 50-54.
22. Petukhov S.V. Geneticheskii kod i proektsionnye operatory matrichnogo genotipa // Metafizika. 2014. № 1(11). C. 54.
23. Grekhem L.R. Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze / Per. s angl. M.: Politizdat, 1991. S. 9-56.
24. Interv'yu s akademikom V.L. Ginzburgom // METAFIZIKA. Vek XXI. Al'manakh. Vyp. 3. Nauka, filosofiya, religiya. 2010. S. 26.
25. Evolutionary epistemology, rationality and the sociology of knowledge / Ed. by O. Radnitsky, W.W. Bartley. III. La Salle (III.) Open court, 1988. XIV, 475 p.
26. Sovremennye teorii poznaniya. M.: INION RAN, 1992. S. 9-87.
27. Evolyutsionnaya epistemologiya: problemy, perspektivy. M., 1996. S. 7-15.
28. Merkulov I.P. Kognitivnaya evolyutsiya. M., 1998. S. 10-45.
29. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Intuitsiya kak samodostroivanie // Voprosy filosofii. 1994. № 2. S. 112.
30. Sartr Zh.P. Problema metoda. M., 1994. S. 22-43.
31. Riker P. Konflikt interpretatsii. M., 1995. S. 54-77.
32. Gadamer Kh.-G. Istina i metod. M., 1988. S. 351.
33. Menskii M.B. Intuitsiya i kvantovyi podkhod k teorii soznaniya // Voprosy filosofii. 2015. № 4. S. 64-74.